

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова

Глаз Ночи

«Автор»

2002

Александрова Н. Н.

Глаз Ночи / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2002 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

Благородные аферисты и по совместительству частные детективы красавица и умница Лола, ее друг Леня Маркиз и хитроумный чихуахуа Пу И в большой беде. Потрясающая операция по «экспроприации» у вора-чиновника крупной взятки едва не провалилась. Заказчик – старый приятель Маркиза Аскольд – мертв. По следу команды детективов идет преступная группировка, намеренная вернуть свои деньги и избавиться от ненужных свидетелей. Однако Лола и Маркиз не собираются сдаваться. Более того, они намерены нанести преступникам ответный удар...

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталья Александрова

Глаз Ночи

* * *

– Восемнадцать, черное, четное! – крикнул крупье скрипучим голосом и сгреб длинной лопаточкой фишки с поля.

Петр Степанович проводил спокойным взглядом свой несостоявшийся выигрыш и отвернулся. Теперь следовало немного переждать, а то деньги быстро кончатся и придется уходить из казино раньше времени.

Петр Степанович скользнул рассеянным взглядом по залу. Сегодня он играл в казино «Какаду» – небольшой уютный зал, не так много публики... Петру Степановичу нравилась атмосфера казино, голоса крупье, стук сгребаемых фишек... Ему нравилось наблюдать за публикой – возбужденно блестящие глаза, трясущиеся руки...

Вот пьяный браток с двумя визжащими, вульгарно размалеванными девицами подошел к столу. Парень бросил фишки не глядя и выиграл – дуракам везет! Девицы преувеличенно радостно взвыли и тут же поставили весь выигрыш на семерку – счастливое число, как одна из них громко объяснила парню.

Для братка семерка оказалась несчастливой. Он огорченно выматерился, и к нему тут же подскочили два охранника, что до этого фланировали по залу с самым равнодушным видом. Охранники перемигнулись с вульгарной девицей, та успокаивающе кивнула головой – мол, все в порядке, ребята, мы сами управимся.

Петр Степанович усмехнулся: стало быть, девицы местные, работают на казино. Выпотрошат молодчика, как рыбку на заливное!

Девицы между тем повисли на парне и увели его в сторону карточных столов.

– Мне на семь! – раздался рядом мелодичный женский голос, и рука с безупречным манером придвинула фишки.

– Мне тоже на семь! – шутки ради крикнул Петр Степанович и бросил фишки.

Шарик с упоительным стуком побегал по кругу, замедлил свой бег, перекатился из ячейки в ячейку и наконец замер под возбужденными взглядами игроков.

Семерка выиграла. Забирая фишки, Петр Степанович разглядел свою соседку. Женщина была красива. Это нехорошо, она будет отвлекать его от игры. Петр Степанович как можно незаметнее отошел от стола. Он приходит в казино, чтобы играть. Не для того, чтобы выиграть, а для того, чтобы окунуться в атмосферу азарта и больших денег. Это действует на него освежающе, после вечера в казино он прекрасно себя чувствует всю неделю, все нормализуется – сон, аппетит.

Он подошел к другому столу, но там крупье была девушка. Петр Степанович же считал, что некоторые профессии должны оставаться сугубо мужскими, несмотря на равноправие. Он поставил на красное и проиграл. Нет, все же нужно вернуться к тому первому столу, потому что девица-крупье несколько раздражала его, когда визгливо и нервозно выкрикивала слова.

А там крупье был хорош – высокий, с длинным лошадиным лицом, абсолютно невозмутимым взглядом и скрипучим, как у самой судьбы, голосом. Определенно, он родился для этой работы!

Петр Степанович обогнул стол и устроился напротив дамы, которая прежде была его соседкой. Она никуда не отходила, играла не отвлекаясь. Теперь, стоя напротив, он смог хорошенько ее рассмотреть. Первое впечатление его не обмануло – женщина была молода и кра-

сива. Стройная, с хорошей фигурой. На даме было что-то лиловое и обтягивающее, выгодно подчеркивающее фигуру. Она снова поставила на семерку и проиграла.

Петр Степанович не удержался и проследил за выражением ее лица в то самое время, когда крупье с достоинством известил игроков, что выиграл номер двадцать три, а стало быть, семерка проиграла. Женщина не охнула, не чертыхнулась, она восприняла проигрыш совершенно спокойно, как сделал бы на ее месте сам Петр Степанович.

Он поставил какую-то мелочь на черное и выиграл. Его визави закурила сигарету и стала наблюдать за игрой, сама не делая ставок. Петр Степанович посмотрел на горку фишек перед собой. Рискнуть, что ли, на все? Но если он проиграет, то придется сразу же уйти, потому что у него правило: играть только на те фишки, которые он наменял в самом начале. Он может проиграть только определенную сумму, такие уж правила, им же самим и установленные. Но подчиняться своим собственным правилам гораздо разумнее, чем чужим. Уходить же сегодня Петру Степановичу не хотелось. Сегодня вечером ему здесь нравилось, было не скучно. Поэтому он бросил несколько фишек на номер девятнадцать.

– Делайте ваши ставки, господа! – скрипуче возвестил крупье и собрался уже запустить рулетку, как вдруг дама напротив бросила на номер девятнадцать ровно столько же фишек, что и Петр Степанович.

Девятнадцатый проиграл, женщина проводила глазами лопаточку крупье и встретила взглядом с Петром Степановичем. Он развел руки – мол, не повезло нам с вами в этот раз. Она чуть кивнула и отвела глаза.

В правой руке она держала сигарету, поэтому фишки двигала левой, и Петр Степанович заметил, как на безымянном пальце сверкнул холодным голубоватым огнем довольно крупный бриллиант. Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, он поставил вдруг все свои фишки на нечет и выиграл.

Глядя, как крупье лопаточкой придвигает ему внушительную горку фишек, дама улыбнулась Петру Степановичу одними глазами.

«Не шлюха», – подумал он, да это и так было ясно. Одета дорого и со вкусом, приличные манеры, а также то, что она не стреляла по сторонам глазами, а играла всерьез – все говорило о том, что женщина напротив него пришла сюда так же, как и он, – поиграть. И не важно, выиграет она или проиграет, ее увлекал сам процесс. Это Петру Степановичу было понятно, а шлюх он очень не любил. Не любил он и шумных застолий в ресторанах, не любил бани с девочками, не любил охоту, которая превращается в дикую попойку, – всех традиционных развлечений своих коллег. Петр Степанович расслаблялся в казино.

Посматривая краем глаза на свою визави, Петр Степанович думал, кто же она такая. Не шлюха, это ясно, не любовница богатого человека – эти зря денег не мотают, предпочитают покупать тряпки и драгоценности или откладывать деньги на черный день. А которые так не делают, те полные дуры, потому что молодость и красота не вечны, и рано или поздно они могут остаться у разбитого корыта.

Женщина напротив не производила впечатления дуры. Она сразу же произвела на Петра Степановича очень приятное впечатление. Ему захотелось поболтать с ней и познакомиться поближе. Осознав это желание, Петр Степанович мысленно усмехнулся: что-то давненько не обращал он внимания на женщин! И дело тут не в возрасте, пятьдесят – это не конец жизни, просто он расслабляется по-другому.

Приглянувшаяся ему дама между тем неожиданно начала проигрывать. Горка фишек перед ней стремительно уменьшалась.

Стоявший рядом с ней молодой человек с длинными волосами и абсолютно сумасшедшими глазами из тех завсегдатаев казино, которые приходят сюда каждый вечер и все деньги оставляют здесь, пошептал что-то над зажатой в кулак последней фишкой и бросил ее на тринадцать. Дама усмехнулась и тоже поставила на тринадцать. Естественно, они проиграли. Длин-

новолосый молодой человек трагически поднял руки к потолку, потом начал рвать на себе волосы.

К нему туг же устремился охранник, а женщина отошла в сторону и оказалась поблизости от Петра Степановича.

– Что-то мне сегодня не везет, – задумчиво сказала она, глядя, как кружится шарик.

– Рискнем еще раз на нечет? – неожиданно для себя предложил Петр Степанович.

Она оглянулась и улыбнулась ему легко и дружелюбно. Они поставили на нечет и проиграли. Но нисколько от этого не огорчились – не везет, так не везет!

– Что ж, – дама посмотрела на часы в зале, – пожалуй, мне пора. Обычно я люблю смотреть на здешнюю публику, – пояснила она, – но сегодня что-то не хочется.

– Разве вы не хотите отыгаться? – на всякий случай спросил Петр Степанович.

– Я никогда не отыгрываюсь, – получил он тот ответ, которого и ожидал, – это очень вредная привычка – отыгрываться.

– Согласен с вами. – Петр Степанович наклонил голову. – И... вы позволите предложить вам коктейль?

– С удовольствием! – Снова в ее улыбке не было и тени женского кокетства, а просто открытое дружелюбие. – Здесь так жарко, нужно немного отдохнуть перед тем, как садиться за руль.

В баре было тихо и полутемно. Петру Степановичу понравилось, что его спутница не стала брать всякую сладенькую дамскую дребедень типа «Пинакалады», а попросила «Манхеттен».

– Я позволяю себе только один, – заметила она, – не люблю садиться за руль в подпитии.

Они познакомились, женщина сказала, что ее зовут Анна, что она часто бывает в Петербурге по делам и вообще любит этот город.

Она взяла бокал с коктейлем правой рукой, и Петр Степанович заметил узкий ободок обручального кольца. Ему понравилось, что она не расспрашивает его о работе и вообще о жизни, понравилось и то, что сама не рассказывает о себе никаких подробностей.

Она только упомянула вскользь, что очень много бывает за границей, и Шумелов окончательно утвердился во мнении, что муж Анны богатый человек.

– Вот теперь мне точно пора. – Она легко и грациозно поднялась из-за столика.

Петр Степанович расплатился и поспешил за ней.

– Удивительно приятный октябрь, – заметила Анна, накидывая пальто, – обычно я зиму стараюсь проводить в теплых краях, потому что терпеть не могу холода и снега, а лед предпочитаю видеть только в стакане с виски, но в этот сезон так не хочется уезжать...

Они вышли на площадку перед казино.

Деревья вокруг были покрыты светящимися лампочками, фонари озаряли площадку причудливым мягким светом. На крыше блестела и переливалась разноцветными огнями надпись «Казино Какаду», и светился силуэт огромного яркого попугая с хохолком на затылке. У Анны оказалась черная двухместная «ауди» с откидным замшевым верхом.

Он вдруг вспомнил, что так и не спросил, как часто она бывает в казино, и неожиданно для самого себя забеспокоился.

Анна открыла дверцу, села и помахала ему рукой. Петр Степанович мгновенно взмолился, чтобы ее машина сломалась. Мотор завелся, но тут же заглох. Анна попробовала снова и нахмурилась. Мотор поработал немного и опять заглох. Петр Степанович наклонился к открывающемуся окну.

– Какая-то неприятность с машиной, – расстроенно сказала Анна, – не могу тронуться с места.

– Могу я вас подвезти? – предложил Петр Степанович.

– Это было бы очень любезно с вашей стороны, – обрадовалась Анна, – а машину я заберу завтра.

Он распахнул перед ней дверцу своего солидного «мерседеса». Анна дала адрес небольшого частного отеля на набережной Мойки. «Мерседес» понесся по темным безлюдным улицам.

Аккуратный двухэтажный особнячок начала девятнадцатого века стоял чуть в глубине от Мойки. Петр Степанович вышел из машины и открыл даме дверцу.

– Благодарю вас. – Она приблизила свое лицо, и на него пахнуло пряным ароматом ее духов. – Я буду в «Какаду» в следующую пятницу, поиграем... – Она тихо засмеялась и провела ухоженной рукой по воротнику его кашемирового пальто.

– Буду ждать, – хрипло сказал он и прикрыл ее руку своей.

Он хотел поцеловать эту очаровательную ручку, но она каким-то образом выскользнула из его руки. Анна отвернулась и нажала на золотистую кнопку звонка.

Через некоторое время заспанный портье открыл дверь, и Анна скрылась в темном холле.

Петр Степанович сел в машину, но не спешил уезжать. "Ему хотелось посмотреть, где зажгутся ее окна. Просидев так некоторое время и не дождавшись ничего, он рассердился на себя за легкомыслие и тронул машину с места.

Женщина, представившаяся ему как Анна, посидев некоторое время в темном холле, встала и прошла через служебный коридор к черному ходу. Заспанный портье, с которым все было условлено заранее, открыл ей дверь и спрятал в карман приятно шуршащие бумажки. У самого входа стояла неприметная «восьмерка», в темноте непонятно было – серая или зеленая. Водитель, не выходя из машины, открыл даме дверцу.

– Ну как дела, Лола? – спросил он. – Все в порядке?

– Как и всегда, когда за дело берусь я. – По голосу было слышно, что женщина улыбается.

– Выиграла хоть что-нибудь? – тоже улыбнулся он.

– Все продула, – огорченно сообщила она, – очевидно, сегодня неудачный день...

* * *

Леня Марков, известный в узких кругах любителей эlegantного изыскания денег под незамысловатой кличкой Маркиз, включил прослушивающее устройство, связанное с «жучками», которые его давняя и проверенная партнерша по психологическому бизнесу Лола закрепила на воротнике кашемирового пальто Петра Степановича Шумелова и под сиденьем его «мерседеса». «Жучки» работали исправно, и в течение двадцати минут Леня слушал музыку, которую передавала радиостанция «Европа-плюс», и негромкое урчание мощного мотора шумеловского «мерседеса».

Наконец мотор затих, а вслед за ним замолчала и автомагнитола. Мягко хлопнула дверца машины, и «жучок» под сиденьем до следующего утра выбыл из игры. Впрочем, и второй «жучок», закрепленный под воротником кашемирового пальто, передав скрип поворачиваемого в замке ключа и негромкий стук закрывшейся двери, тоже затих:

Шумелов повесил пальто в прихожей и, стараясь не шуметь, прошел в спальню к своей законной жене Ольге Андреевне, с которой его связывали почти тридцать лет совместной жизни. Маркиз не услышал ни цокота когтей в прихожей, ни радостного повизгивания, потому что Арчибалд, раскормленный английский бульдог, любимец Ольги Андреевны, крепко спал в спальне на специальном матрасике и не вышел в прихожую встретить хозяина.

Шумелов был хорошим семьянином. Он не разделял общую любовь городского руководства к буйным попойкам, к баням с девочками, да и вообще почти не пил. Некоторые коллеги посмеивались над ним.

А кое-кто посматривал на него с опаской и недоверием, повторяя: в тихом омуте черти водятся.

Тем более что кое для кого Петр Степанович все еще был чужаком, выскочкой, пришедшим во власть на волне перестройки. Другие работники городского аппарата прошли огонь и воду советского партхозактива или комсомольской работы, проскользили по медным трубам партийной номенклатуры и узнавали друг друга за версту по особенному выражению глаз, а Петр Степанович до перестройки был скромным доцентом в третьеразрядном вузе, преподавал там то ли охрану окружающей среды, то ли технику безопасности и с тоской думал о том, как трудно по его малопопулярной дисциплине защитить докторскую диссертацию и как долго ему еще до пенсии...

Но тут-то и грянула перестройка, гласность, выборность, и Петр Степанович со всем своим нерастраченным пылом бросился в мутные воды политики. Говорил он хорошо и убедительно: сказались годы преподавательской работы. Студенты, которым нужен был зачет по его предмету, в свободное от занятий время разносили по почтовым ящикам избирателей листовки. Относительно молодой преподаватель показался избирателям привлекательнее старого партийного зубра, его конкурента, и прошел в депутаты городского совета. Позже этот совет был распущен по указу президента, но Шумелов к этому времени сумел уцепиться зубами и когтями за исполнительную ветвь власти и больше уже не разжимал своей железной хватки.

Для того, чтобы прорваться во власть, он разработал вполне научную методику, очень созвучную его собственной фамилии. Методика эта сводилась к тому, чтобы громко шуметь о недостатках той структуры, внутри которой ты страстно желаешь оказаться.

Пользуясь этой же методикой коллега и друг Шумелова, депутат того же самого совета Алексей Сабиров начал в прессе кампанию за здоровый образ жизни. Основной упор в своих статьях и публичных выступлениях депутат Сабиров делал на вреде курения и на необходимости всемерной борьбы с расширением производства и реализации в нашем городе и во всем регионе табачных изделий.

Через три месяца антитабачная кампания неожиданно прекратилась, а Сабиров оказался членом правления крупного совместного российско-американского акционерного общества «Норд-табак», одного из крупнейших на Севере-Западе производителей сигарет.

Действуя по этой же прогрессивной глубоконаучной методике Петр Степанович Шумелов развернул активную кампанию по борьбе с экологическими загрязнениями и нарушениями требований техники безопасности некоторыми крупными строительными компаниями Санкт-Петербурга.

Ему немедленно предложили ответственный пост в одной из этих компаний, но он был дальновиден и хотел не только денег, но и власти, а также стабильности положения, которую в то время еще не гарантировал частный бизнес. Петр Степанович хотел проникнуть во власть. Поскольку строительные компании были весьма тесно связаны с городским правительством, и то, что было плохо для строителей, было плохо и для руководства, через некоторое время для скандального депутата Шумелова нашлось уютное кресло в Смольном.

За прошедшие с той поры годы Петр Степанович оброс нужными связями и полезными знакомствами, погрузнел, приобрел вальяжную барственную осанку и руководящий уверенный голос. Также он приобрел дорогостоящую привычку играть по пятницам в казино и ряд других столь же дорогостоящих привычек. Врагов, конечно, Петр Степанович тоже приобрел немало.

* * *

За неделю до описываемых событий молодая женщина с темными прямыми волосами и карими насмешливыми глазами внезапно бросила швабру, которой орудовала весьма ловко, и устало сказала:

– Сил моих больше нет! До чего же надоела эта уборка!

– А ты представь, что ты репетируешь роль Сюзанны в «Свадьбе Фигаро», – посоветовал ей мужчина, в классической мужской позе возлежавший на диване с газетой. – Вроде бы она там бегала с метелкой?

– Ленька, ты совершенно невозможен! – высказалась Лола, а это была она. – Мы с тобой не женаты, а ты ведешь себя как самый настоящий муж, причем плохой муж!

– Очень хорошо, что ты меня раскусила, не будешь питать напрасных иллюзий, – ответил он, не отрываясь от газеты. – И вообще, уборка – не мужское дело...

– Несчастливая женщина! – воскликнула Лола.

– Кто? – холодно спросил Маркиз, складывая газету. – Ты? Не нужно принимать все так близко к сердцу.

– Да не я, а твоя будущая жена, – с досадой ответила Лола, – мне ее уже жаль.

– И зря, – серьезно сказал Маркиз, – потому что такой женщины просто не существует в природе. Я вообще не собираюсь жениться, для этого я слишком хорошо знаю женщин. И потом, при нашей с тобой профессии это ни к чему.

– Да, но когда-нибудь ты состаришься и уйдешь на покой, – не сдавалась Лола, – и вот тогда...

Маркиз поморщился, вскочил с дивана и отобрал у нее швабру.

– Вижу, ты устала, я закончу.

Повеселевшая Лола радостно поскакала на кухню.

– Тебе сока налить? – донеслось оттуда. – Какого?

Разговор этот происходил в большой трехкомнатной квартире, которую Маркиз снял совсем недавно по просьбе Лолы. Раз уж они решили пожить некоторое время в России, следовало найти себе пристанище получше той старой запущенной коммуналки, комната в которой досталась Маркизу от бабушки.

Они познакомились года два назад совершенно случайно. Леня Маркиз, непревзойденный мастер виртуозного мошенничества, давно уже подыскивал себе помощницу. Сидя в кафе, он с грустью наблюдал, как за соседним столиком старый пройдоха обрабатывает провинциальную дурочку, которую он подхватил тут же на вокзале. У девчонки только что украли все деньги, и мерзавец пользовался случаем, вешал простушке на уши длинную лапшу. Старик был не промах, он действовал планомерно, наметил свою жертву заранее, и наверняка обокрали ее по его указке. Заманит к себе, а потом продаст в какой-нибудь притон. И все, пропала девчонка, пойдет по рукам, станет пить и колоться. Искать ее здесь никто не будет – все родственники далеко...

С грустью наблюдал Леня за событиями, как вдруг заметил, что девушка, оказывается, сама тоже не лыком шита. Она отвлекла внимание старика и влила ему в кофе какие-то капли, не иначе клофелин.

Все это было не ново, но Маркиз удивился на самого себя. Как же это он не признал в девчонке мошенницу? А уж у него-то глаз наметан. Но она выглядела такой безобидной, наивной и глупой... Определенно, у девчонки настоящий талант. И Леня принял решение, о котором впоследствии ни разу не пожалел.

Оказалось, что девушка самая настоящая профессиональная актриса, играет в небольшом театре и занимается мошенничеством только для того, чтобы было на что жить, потому что на заработок начинающей театральной актрисы жить невозможно.

Они чудно работали вместе, пока не влипли в историю с золотой ассирийской статуэткой, из которой вышли с победой, но Леня сильно подставил очень влиятельного и богатого человека – Артема Зарудного, так что пришлось срочно уносить ноги. И теперь Зарудный, конечно, не преминул бы отомстить, если бы Леня с Лолой попались ему на пути. И Леня поклялся себе и Лоле, что сделает так, чтобы Зарудный оставил их в покое. Он еще не очень четко представлял себе, каким образом это можно сделать, но знал, что не отступит.

В кухне пока не было мебели, только газовая плита и мойка. Лола присела на широкий подоконник и протянула Лене стакан холодного ананасового сока.

– Не считай меня назойливой, – осторожно начала она, – но все же хотелось бы знать о твоих дальнейших планах.

– Планах... – поскучнел Леня. – Вот как раз сейчас об этом думал, пока ты меня не отвлекла дурацким венником.

– Мне показалось, ты просто лежал на диване и читал газету... – тихонько сказала Лола. Маркиз глянул на нее искоса, но промолчал.

– Вот мы обосновались, квартиру эту ты снимал очень осторожно. Ни в твою квартиру, ни в мою мы не покажемся, – продолжала Лола, – а что дальше? Не можем же мы сидеть здесь в четырех стенах, Пу И нужны прогулки. Кстати, где собака?

Пу И был очаровательным песиком породы чихуахуа, в которого Лола вложила всю нежность, какая у нее была, а ведь в каждой женщине имеется запас нежности, который она расходует по собственному выбору. Лола выбрала объектом своей неистовой любви Пу И, названного так в честь последнего китайского императора.

– Так где же Пу И?

– Он спрятался на время уборки, – невозмутимо сообщил Маркиз, – он в спальне в картонной коробке от видеомэгнитофона.

Я тоже хотел бы быть на его месте, да только в коробку не помещаюсь...

– Два раза махнул венником и еще жалуется! – возмутилась Лола. – Нет, это просто ни в какие ворота... Но не будем отвлекаться, – спохватилась она, – я задала тебе вопрос насчет планов.

– Почему-то все женщины обожают задавать вопросы, на которые у мужчин нет ответа! – вспыхнул Маркиз.

– Но ты же только что заявил, что знаешь женщин, вот и ответь сам – почему, – поддразнила Лола.

– Ну слушай, – решился Маркиз, – вчера со мной связался один человек и намекнул, что есть работа...

– Снова, как в прошлый раз? – прищурилась Лола. – Когда в прошлый раз в Кельне с тобой связался один человек и намекнул, что есть работа, все закончилось плохо. Сначала нас замели в полицию, потом предъявили обвинение в убийстве, а потом пришлось ехать в Россию, что не входило тогда в наши планы.

– Ну в конечном-то итоге все кончилось неплохо, – в голосе Маркиза Лола уловила самодовольные нотки, – мы выполнили задание, живы-здоровы и кое-какие бабки срубили...

– В общем, да, – согласилась Лола, – но... Ты уверен в этом человеке?

– Вот в нем я уверен, – серьезно ответил Леня, – потому что мы знакомы ужас сколько времени.

– Будь осторожен, – сказала Лола, спрыгнув с подоконника и подойдя к Лене вплотную, – мы с Пу И очень волнуемся.

– Особенно Пу И, – хмыкнул Маркиз, хотя и сам за последнее время успел привязаться к хулиганскому псу.

Оставшись одна, Лола задумалась. Что-то Ленька никак не реагирует на ее хорошее поведение. Хоть бы похвалил за то, что она привела этот сарай в божеский вид! И вообще, почему он никогда не смотрит на нее как на женщину? Конечно, при знакомстве они заключили негласный договор, то есть деловое соглашение – ничего личного, встречаются только для совместной работы, но зато полностью доверяют друг другу. Лолу такие отношения полностью устраивали тогда, потому что она жила двойной жизнью. У нее был театр, друзья-актеры, просто друзья, публика... Теперь ничего этого нет, и приходится устраивать театр одного актера, потому что не играть она не может, это сильнее ее.

Но чаще всего зритель у ее спектаклей тоже один – это Леня. А он относится слишком спокойно ко всем ее выкрутасам. Сейчас она играет паиньку, как говорили в детском саду.

Но Ленька все равно держится отстранение.

Лола зашла в ванную и поглядела на себя в большое зеркало. Даже без косметики она выглядит вполне прилично. Она знает, что Ленька вовсе не чурается женщин. Но всегда находит каких-то швабр, на взгляд Лолы, очевидно, у него плохо со вкусом...

Снизу послышалось тихое поскуливание – это Пу И решил появиться пред светлые очи хозяйки.

– Как ты думаешь, дорогой, – нежно спросила Лола, – есть сейчас у Леньки кто-нибудь?

Песик посмотрел на нее укоризненно, пожал плечами и вышел из ванной. Лола тихонько вздохнула.

* * *

В длинном помещении, казавшемся полутемным от низко повешенных люминесцентных светильников, ярко освещавших только бильярдные столы, раздавались сухой стук шаров и короткие темпераментные выкрики игроков. Маркиз огляделся и увидел возле дальнего стола человека, который назначил ему свидание.

Худой, подтянутый, сухощавый, Аскольд был старомодно элегантен – всегда безупречно отутюженный темный костюм, белоснежная рубашка, платочек в нагрудном кармане пиджака, единственная яркая деталь – бордовый галстук-"бабочка". Редущие волосы аккуратно уложены с бриллиантином. Где уж брал его Аскольд в наше время – оставалось загадкой. Точно так же загадкой было и само его имя – никто не знал, имя это или кличка. Загадкой был и его возраст – ему можно было дать и пятьдесят лет, и семьдесят. Во всяком случае, те, кто знал его давно, говорили, что он всегда был точно таким же – старомодным, подтянутым, элегантным.

Про Аскольда вообще никто ничего не знал. Он играл на бильярде, играл очень хорошо, и изредка проворачивал небольшое элегантное мошенничество Нечасто, один-два раза в год. Каждая его операция была подлинным шедевром, образцом для подражания.

Именно у Аскольда Леня-Маркиз в свое время многому научился, и до сих пор относился к нему с огромным уважением, считая непререкаемым авторитетом как в отношении изящных, тонко продуманных афер, так и в отношении хороших манер и умения достойно держаться в любом обществе.

Леня подошел к Аскольду, и они обменялись сердечным, но сдержанным приветствием – Аскольд не любил панибратства.

– Вы хотели поговорить со мной о деле? – Маркиз взял быка за рога, хотя и понимал, что это невежливо, что следовало побеседовать для начала о нейтральных предметах, о жизни и погоде, дождавшись, когда Аскольд сам перейдет к делу.

Действительно, маэстро удивленно и неодобрительно взглянул на ученика, высоко подняв левую бровь. Затем вздохнул, подумав, должно быть, что времена изменились и надо быть снисходительнее к молодежи, и негромко сказал:

– Признайся, мой дорогой, когда ты последний раз брал в руки бильярдный кий?

– Ох, давно, Аскольд, очень давно!

– Скверно! – Аскольд снял пиджак, подтянул рукава белоснежной рубашки и начал натирать мелом кий. – Бильярд необходим людям нашей профессии. Он дисциплинирует, развивает глазомер и твердость руки, учит стратегии... Ты должен играть хотя бы два раза в месяц! Обещай мне, мой дорогой!

– Не всегда находится время! – ответил Леня с тяжелым вздохом. – Я не хотел бы пообещать вам и нарушить обещание...

– Ну как знаешь! – Аскольд разбил пирамидку и задумчиво оглядел стол, выбирая шар для следующего удара. – А пригласил я тебя, мой дорогой, по такому делу. Несколько вполне достойных людей – не слишком богатых, но и не совсем нищих – объединили свои средства для некоего перспективного проекта. Они нашли весьма привлекательное пятно застройки, на котором хотят совместными силами построить торговый центр... Впрочем, эти подробности нам с тобой неинтересны. Суть в том, что чиновник, в руках которого распределение пятен застройки, имел с ними предварительный разговор и даже взял деньги...

– Большие ли деньги? – поинтересовался Маркиз.

– Как сказать... – Аскольд наклонился над краем стола, нацелил кий и объявил:

– Шестой в левый угол.

Шар послушно вкатился в лузу. Аскольд выпрямился и задумчиво повторил:

– Как сказать. Сто тысяч – много это или мало?

– Долларов? – уточнил Леня.

– Ну не юаней же. – Аскольд пожал плечами и снова двинулся вокруг стола, выбирая позицию.

– Ну, в общем, это не слишком много за хороший участок...

– Возможно, – Аскольд снова пожал плечами, – но ведь это не цена земли, это только взятка, которую чиновник положит себе в карман, совершенно ничего при этом не делая. Не люблю чиновников...

– Ну не нам с вами об этом говорить! – усмехнулся Маркиз.

– Отчего же? – Аскольд высоко поднял бровь и в упор взглянул на молодого собеседника. – Наша работа требует интеллекта, артистизма, стратегического мышления, тонкого, поистине шахматного расчета и точности исполнения. Она связана с риском... Нет, дорогой мой, мы свой хлеб не зря едим!

– Но мы говорили о пятне застройки... – напомнил Маркиз.

– Совершенно верно. Чиновник взял деньги, а потом на горизонте появился еще один претендент на участок – наглый, молодой, нахрапистый, самоуверенный и беспринципный... – Аскольд огляделся по сторонам, видимо, подумав, что позволил себе излишнюю горячность, замолчал и снова начал натирать кий. На этот раз Маркиз не посмел прервать паузу и дождался, когда маэстро продолжил:

– Этот претендент также переговорил с чиновником и предложил ему больше. Точной суммы я, конечно, не знаю, но предполагаю, что значительно больше.

– И что чиновник?

– Чиновник встретился с теми, первыми людьми, и заявил, что столкнулся с непреодолимыми препятствиями и никак не сможет отдать им участок.

– А деньги?

Аскольд тонко улыбнулся одной стороной рта:

– Ты смотришь в корень, мой дорогой.

В этом вся прелесть. Он заявил, что деньги уже ушли на подмазывание вышестоящих начальников, и отказался их возвратить.

– Это уже полное свинство!

– Совершенно согласен. Я же сказал – не люблю чиновников.

– И что же предприняли эти люди?

– Обратились ко мне. – Аскольд подошел к краю стола и приложил кий к бортику.

– А вы, в свою очередь, пригласили меня и рассказали всю эту трогательную историю! – Маркиз сцепил пальцы рук и с хрустом потянулся. – Зачем?

– Затем, дорогой мой, что я не могу заняться этим делом. Меня слишком легко вычислить.

– Вы – один из тех людей, заинтересованных в пятне застройки? – высказал Маркиз догадку.

– Почти, – уклончиво ответил Аскольд, – во всяком случае, я слишком тесно с ними связан.

– Но вы знаете, – осторожно проговорил Маркиз, – что у меня не так давно было серьезное столкновение с очень опасным человеком?

– Зарудный?!. – Аскольд произнес эту фамилию не с вопросительной, а скорее с утвердительной интонацией.

– Зарудный, – подтвердил Маркиз, – и теперь мне нужно быть очень осторожным, чтобы Зарудный не пронюхал, что я вернулся в Петербург. Пока он думает, что я где-то далеко, за рубежами отечества, – я могу спать спокойно, но как только пронюхает, что я снова здесь, он все сделает для того, чтобы достать меня. Честно говоря, при нашей предыдущей встрече я здорово его кинул...

– Я об этом слышал, – кивнул старый маэстро, – но ты ведь никак не связан с теми людьми. На тебя никто не подумает.

А я буду очень осторожен. Твой удар.

Он протянул Маркизу кий и отступил на шаг от стола, чтобы лучше увидеть позицию в целом.

– Девятый в центр, – объявил Маркиз, наклоняясь к столу и нацеливая кий, – если я возьмусь за это дело, что оно мне принесет?

– Никогда не думай ни о чем постороннем перед ударом, – Аскольд покачал головой, – вот видишь, ты промазал. Я же говорил, тебе нужно чаще играть в бильярд, это очень полезно. А относительно твоего вопроса – ты отдашь людям то, что они заплатили, остальное – твое. А там – неплохая разница, уверяю тебя.

– С кем мне придется иметь дело?

Аскольд нацелил кий, объявил, какой шар и в какую лузу собирается послать, и только когда нанес свой безошибочный удар и проследил за движением шара, аккуратно скатившегося в лузу, разогнулся и протянул Маркизу конверт:

– Здесь ты найдешь все, что мне удалось выяснить. Впрочем, тебе этого будет вполне достаточно.

Они продолжили игру, и Леня, разумеется, проиграл с разгромным счетом. Аскольд покачал головой и напутствовал ученика советом играть в бильярд не реже двух раз в месяц.

Только попрощавшись с маэстро и сев в свою машину, Маркиз открыл конверт. Оттуда выпали несколько листов с машинописным текстом и крупная фотография. На этой фотографии Леня впервые увидел Петра Степановича Шумелова.

Дома Лола встречала Леню у самых дверей. В глазах ее явственно читался невысказанный вопрос.

– Да, – лаконично ответил на ее взгляд Леня, – мы с тобой снова в работе. Давай-ка, девочка, почисти перышки, перетряси свой гардеробчик и сделай из себя приличную даму из общества.

– Нет проблем, – удивленно ответила Лола. – Внешность менять?

– Разумеется, он будет очень внимательно тебя рассматривать, значит, нужно сделать так, чтобы он тебя потом ни за что не узнал.

– И кто это он? – полюбопытствовала Лола.

– А вот, – Маркиз показал ей фотографию, – нравится?

– Хм, – Лола придирчиво поджала губы, разглядывая снимок. – Скажи на милость, почему тебе обязательно нужно подsunуть меня какому-то старому крокодилу?

– Он совсем и не старый для мужчины, всего-то пятьдесят лет, – возразил Леня.

– О Господи! Да ему о душе пора думать, а не о женщинах!

– Вот тут ты в точку попала. Он о женщинах мало думает, с одной женой живет почти тридцать лет. Предпочитает время проводить в казино, ходит туда каждую пятницу. Завтра мы туда и направимся. А тебе нужно будет сделать вот что...

– Не нравится мне это дело, – упрямо заметила Лола, выслушав ценные Ленины указания, – и Пу И оно тоже не нравится.

– Слушай, Пу И тут совершенно ни при чем! – вспыхнул Маркиз. – Не хватало мне еще с Пу И советоваться, перед тем, как принимать решения!

– А следовало бы, – как ни в чем не бывало заметила Лола, – потому что Пу И – собака совершенно особенная. Чихаухуа – это древняя священная собака.

– Да ну? – с сомнением протянул Маркиз, наблюдая, как священная собака усердно отгрызает помпон от Лолиной левой тапочки.

– Не «да ну», а точно, – заявила Лола, отобрав помпон. – У древних ацтеков эти собаки жили в храмах, и знаешь почему?

– Понятия не имею, – четко признался Маркиз.

– Потому что у этой породы никогда не зарастает родничок на голове. И считается, что это – прямая связь с космосом! – торжествующе произнесла Лола.

Маркиз не глядя протянул руку и поднял Пу И в воздух за шкуру.

– Вот видишь? – Лола нащупала на темечке только ей видную вмятинку.

– С ума сойти! – поразился Маркиз, но как только он протянул руку, Пу И изловчился и цапнул его за палец.

– Слушай, что ты мне голову морочишь? – заорал Леня и выпустил песика из рук.

Тот шлепнулся на пол, тут же повалился на бок и закатил глаза.

– Пуишечка, детка, он сделал тебе больно! – запричитала Лола.

– Ладно, вы тут развлекайтесь, а мне нужно работать, – вздохнул Маркиз, – будем считать, что Пу И операцию нашу одобрил.

– Не сказала бы, – Лола с сомнением покачала головой, – мы с Пу И уступаем грубой силе.

* * *

Леня Маркиз подождал еще несколько минут и переключил прослушивающую систему в дежурный режим.

Следующий день был выходной, и микрофоны включились только в двенадцатом часу, когда Шумелов с женой отправились, судя по всему, за покупками. В машине Петр Степанович снова включил радио, поймал свою любимую радиостанцию «Европа-плюс», и Маркиз уже приглушил звук динамиков, приготовившись к музыкальной паузе, но Ольга Андреевна недовольным голосом попросила мужа выключить радио, и Шумелов не стал возражать.

Супруги перекинулись несколькими ничего не значащими фразами и дальше ехали в молчании. Наконец мотор затих, и Петр Степанович усталым голосом сказал:

– Оля, ты иди одна, посмотри там... Я в машине посижу.

– Но я думала, мы вместе...

– Не хочу там среди тряпок с бабами толкаться. Сходи, выбери себе что-нибудь.

Ольга Андреевна не стала спорить, хлопнула дверцей машины. Почти сразу раздались негромкие характерные щелчки – Маркиз понял, что Шумелов набирает номер на мобильном телефоне.

– Алло, это я, – негромко проговорил он своим недовольным начальственным голосом. – Что значит – кто? Надо узнавать. Ну да, правильно. Так вот, я готов обсудить с вами известный вопрос. Встретимся завтра в «Невском Паласе», внизу, возле магазина «Золотой ключ», в двенадцать ноль-ноль. Все.

Телефон щелкнул, закрываясь, Шумелов снова включил радио и поймал «Европу-плюс».

* * *

Маркиз на всякий случай прослушивал остальные разговоры Шумелова, но больше ничего интересного не узнал. Зато на следующий день, в полдень, он прилип к динамику.

Несколько минут из микрофона доносились только негромкие голоса, шаги и прочие посторонние шумы. Наконец Шумелов негромко раздраженно проговорил:

– Вовремя приходить нужно. Точность – вежливость королей.

– А я – не король... пока что, – с насмешкой ответил ему второй голос, самоуверенный, молодой и нагловатый. – Ну извините. Всего-то на восемь минут опоздал... поесть зашел, проголодался.

– Вы все время едите, – с неудовольствием проговорил Шумелов, – это вредно. Вы молодой человек, а вес у вас явно избыточный. Это повышает риск гипертонии.

– Не волнуйтесь за меня, у меня все в норме. Меня на все хватает. Я все успеваю и все люблю – еду, вино, деньги, красивые вещи, женщин... И вообще, мы что – встретились для того, чтобы обсуждать мое телосложение или мои пристрастия?

– Тише, тише, на нас обращают внимание, – вполголоса прервал своего собеседника Шумелов, – делайте вид, что рассматриваете витрину. Кстати, посмотрите на этот портфель, второй слева, за восемьсот шестьдесят у, е. Купите такой. Во вторник положите в него триста тысяч и подъедете к «Пассажу». Войдете через центральный вход. Ровно в час дня вы должны пройти мимо цветочного киоска посередине зала. Я буду идти вам навстречу со стороны Итальянской. У меня будет точно такой же портфель. Мы встретимся, обменяемся портфелями и разойдемся. Только очень прошу вас хоть на этот раз быть вовремя. Уж постарайтесь! Поешьте заранее, в конце концов!

– Ладно, ладно, – хохотнул собеседник Шумелова, – не волнуйтесь, все будет тип-топ.

На этом разговор закончился, а Маркиз поехал на Невский.

В магазине «Золотой ключ» на первом этаже «Невского Паласа» он нашел в витрине объемистый коричневый портфель из свиной кожи и указал на него продавцу. Парень исчез на минуту и вернулся с заискивающим выражением лица.

– Простите, у нас все вещи эксклюзивные, в небольшом количестве, и такой портфель купили как раз перед вашим приходом... Может быть, вы посмотрите другую модель?

– Мне нужна именно эта, – сухо ответил Маркиз, – отдайте мне портфель с витрины.

Продавец еще на минуту удалился для консультации с начальством, вернулся с той же заискивающей улыбкой и поспешно снял портфель с витрины.

Во вторник без пяти час из остановившегося перед центральным входом «Пассажа» джипа «мерседес» выбрался, тяжело дыша, толстый коротко подстриженный мужчина лет

тридцати в коротком черном полупальто от Джордже Армани. В руке у толстяка был плотно набитый коричневый портфель из свиной кожи. Отдав короткие распоряжения шоферу и охраннику, оставшимся в машине, толстяк направился ко входу в универмаг.

Джип поехал вперед, чтобы встретить босса у другого выхода «Пассажа», на Итальянской улице.

Толстяк с портфелем вошел во вращающуюся дверь. Входя внутрь универмага, он столкнулся с молодой парой, которая прямо в дверях выясняла отношения. Девушка, ярко-рыжая, сильно накрашенная и довольно вульгарная, размахивала руками и наседала на своего небритого спутника, кожаная куртка, трехдневная щетина, надвинутая на глаза черная кепка и нарочитая сутулость которого явственно изобличали в нем средней руки рэкетира.

– Видела я тебя с Машкой! Притащил ее в «Плазу», лахудру крашеную! Да эту кошку драную в приличное место скоро пускать не будут! Ей в дешевой забегаловке посуду мыть, а ты ее в «Плазу» приволок, шлюху вокзальную! Ей впору на помойке бутылки собирать...

Рэкетир вяло оборонялся, пытаясь улизнуть от своей темпераментной подружки, но та вертелась вокруг него, как собака вокруг медведя, и пыталась залепить пощечину.

Толстяк с портфелем, насмешливо взглянув на вульгарную парочку, попробовал протиснуться мимо. Рэкетир, отбиваясь от своей подружки, нечаянно наступил толстяку на ногу и, неловко качнувшись, выбил у него из руки портфель...

Толстяк мгновенно разъярился и потянулся левой рукой к карману, где у него лежала надежная черная «беретта», но небритый тип уже с горячими извинениями подавал ему портфель, и грозно кричал на свою скандальную рыжую подружку:

– А ну усхни! Из-за тебя человека чуть не зашиб!

Толстяк снова усмехнулся и, взглянув на свою золотую «Омегу», торопливо зашагал к центру зала. Там он на мгновение поравнялся с солидным, внушительным господином в черном кашемировом пальто. Чуть замедлив шаг и мгновенно оглядевшись по сторонам, мужчины поменялись своими портфелями и разошлись.

Петр Степанович вышел из «Пассажа» и сел в свой «мерседес». Приятная тяжесть портфеля чуть-чуть щекотала его нервы. Инстинктивно оглядевшись по сторонам, хотя никто, конечно, не увидел бы его сквозь затемненные стекла «мерседеса», Шумелов приоткрыл портфель.

Лицо его сначала вытянулось от изумления, а потом перекошилось от ярости.

– Щенок! – завопил он, хотя сейчас никто не мог его слышать. – Молокосос! Проклятый наглый подонок! Он что же – издеваться надо мной вздумал?

Коричневый портфель свиной кожи был плотно набит яркими глянцевыми журналами – «Плейбоем», «Пентхаузом», «Невской клубничкой» и прочими изданиями подобного рода.

Трясаясь от ярости, Шумелов схватил мобильный телефон, но вовремя одумался. Он давно уже усвоил простое и действенное правило: никогда не давать воли первому импульсу, чем-то занять руки, отвлечься, успокоиться и только тогда действовать. Вот и сейчас, он достал из кармана дорогую «паркеровскую» ручку, снял колпачок, разобрал и снова собрал ее. Бессмысленные механические действия немного успокоили Петра Степановича. Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, и только тогда снова взял в руку телефон.

Услышав голос своего прожорливого знакомого, Шумелов нейтральным, не выдающим его истинных чувств голосом произнес:

– Что ж, я рад. У вас появилось чувство юмора, хотя и весьма своеобразное.

– Вы это о чем? – осторожно спросил его собеседник.

– О вашей милой шутке с портфелем. Ты что, щенок, думаешь, что я тебе это просто так спущу?

Ярость прорвалась, как кипящая лава сквозь тонкую корку застывшего базальта.

– Эй, эй, полегче! – с неожиданной злобой проговорил молодой собеседник. – Ты, козел старый, с кем в таком тоне разговариваешь? Ты кого это посмел щенком назвать?

– А кто же ты, как не щенок, если пытаешься меня на куклу купить? Скажи лучше, когда передашь деньги! Только теперь это будет уже не триста, а четыреста! Так сказать, возмещение морального ущерба!

– Ты, сволочь старая, что плетешь? – Голос молодого толстяка стал неожиданно высоким и звонким; люди, хорошо его знавшие, предпочитали в таких случаях ретироваться – такой голос прорезывался у него в минуты сильнейшей ярости. – Ты что плетешь? Я тебе только что триста штук отдал – а тебе мало? Да ты, похоже, сбрендил!

– У тебя в портфеле – кукла, одни журналы, порнуха дурацкая! Ты что, молокосос, думаешь, я лох дешевый? Да тебе участка не видать как своих ушей!

Петр Степанович напоследок длинно выругался и отключил мобильный телефон.

Он подумал, не совершил ли ошибки, отказавшись от первой компании, заинтересованной в пятне застройки на Васильевском и согласившись на предложение Рудейко, но потом вспомнил, как нужны деньги, и сжал кулаки. Неужели Рудейко хочет кинуть его?

* * *

Андрей Рудейко в сердцах бросил роскошный дорогой мобильник под ноги и от злости чуть не растоптал его, но одумался, поднял и убрал в карман: телефон ни в чем не виноват. Он откинулся на мягкое сиденье джипа и задумался.

Неужели эта сволочь из Смольного, Шумелов, до того оборзел, что хочет внаглую присвоить триста штук баксов и потребовать новую взятку, больше прежней? Не может такого быть... Не совсем же он, в конце концов, дурак, понимает, что с такими, как Андрей Рудейко, шутить опасно. Что-то здесь не то, что-то не то...

Но Андрей в самом себе был уверен. Он сегодня утром достал из сейфа заранее приготовленные деньги, триста тысяч «зеленых» как один цент, сложил их в портфель – в тот самый, на который показал ему в магазине Шумелов, коричневый портфель свиной кожи, и поехал на встречу. По дороге никуда не заезжал, даже не поел...

Кстати, есть очень хотелось, и Андрей приказал шоферу остановиться возле китайского бистро. Взял порцию креветок с орехами кешью, рыбу в лимоне, быстро и жадно съел и почувствовал, что сыт. Чем хороши китайские заведения – порции дают нормальные, человеческие. Поешь так поешь – от души...

Андрей удовлетворенно откинулся на спинку стула, поудобнее расположил свой объемистый не по годам живот и лениво окинул взглядом зал. В основном, конечно, всякая мелочь, шантрапа – проститутки, устроившие себе обеденный перерыв, рэкетир с подругами...

Андрей замер. Вот то, что не давало ему покоя после разговора с Шумеловым. Рэкетир с подругой, которые ссорились в дверях «Пассажа». Этот небритый придурок столкнулся с Андреем, наступил на ногу и выбил портфель из рук. Это был единственный момент, когда Рудейко выпустил портфель. Но ведь парень тут же подал его Андрею, не прошло и секунды... За это время никак невозможно заменить деньги журналами! Да еще и на глазах у него, у Андрея... Нет, это какая-то чушь! Если только... если только они не подменили портфель.

Рудейко даже мгновенно взмок от такого предположения. Но ведь это значит, что эти двое «пасли» его, точно знали, когда он появится в «Пассаже», знали, какой портфель у него будет в руках – ведь портфель был в точности такой же...

Нет, это невозможно! Если только... если только эта свинья из Смольного не устроила эту подставу самолично!

Андрей подпрыгнул на месте, чуть не опрокинув животом столик. Телохранитель Витек беспокойно огляделся, чтобы понять, что так взволновало босса.

Наверняка так и есть!

Андрей перевел дух и скрипнул зубами.

Шумелов сам устроил эту подставу, чтобы заявить, будто он не получил денег, и потребовать у Андрея еще больше бабок...

Ну, сволочь, тебе это просто так не пройдет!

От злости Андрей снова проголодался и заказал себе огромную порцию свинины с имбирем.

* * *

За долгие годы преподавательской работы Петр Степанович привык просыпаться в восемь утра. Теперь на работу в Смольный он мог бы приезжать попозже, но многолетняя привычка работала лучше любого будильника, и ровно в восемь он просыпался, в первый момент думая, что пора собираться на лекции... Но потом вспоминал, что давно уже не преподает и у него есть еще время, чтобы немного поваляться в постели, потом не торопясь подняться, принять массажный душ, позавтракать...

Однако этим утром что-то определенно было не так. Что-то тревожило Петра Степановича. Сон постепенно выпускал его из своих нежных объятий, Шумелов удивленно прислушивался к собственным ощущениям.

Ему чего-то не хватало.

Наконец он понял, чего – рядом с кроватью не было слышно ровного сопения и периодических всхрапов Арчибальда.

Английский бульдог невероятно храпел во сне, и поэтому Петр Степанович упорно боролся с его привычкой спать возле кровати хозяев, пытался выселить его на коврик в прихожую, но подлый бульдог упорно отказывался засыпать в ссылке, устраивал по ночам истерики, скребся когтями в дверь спальни, и Шумелову в конце концов пришлось сдаться, тем более что жена всецело была на стороне Арчибальда.

И вот теперь этого мерзкого храпа и сопения не было слышно, и Шумелов всерьез беспокоился. Чтобы бульдог проснулся раньше хозяев? Такое просто невозможно, этот лежебока готов был проспать все на свете, кроме обеда и прогулки. Не случилось ли с ним чего?

Петр Степанович спустил ноги с кровати, осторожно нащарил шлепанцы и встал.

В утренней полутьме спальни возле кровати что-то темнело...

Шумелов раздернул шторы и едва сдержал крик.

Арчибальд лежал на полу в луже крови. Впрочем, то, что лежало на ковре около кровати, трудно было назвать Арчибальдом.

У собаки не было головы.

– Что ты, Петя? – окликнула Шумелова полусонным хрипловатым голосом жена.

Петр Степанович не отозвался. Он схватил первое, что попало под руку – шелковую накидку с кресла, – завернул в нее обезглавленный труп собаки и выскочил в коридор, пока жена не проснулась окончательно. Если она увидит это – точно сойдет с ума.

– Куда ты, Петя? – крикнула жена вслед, все еще не вполне проснувшись, но с уже возникающим в голосе беспокойством.

– Потом, потом! – откликнулся Шумелов срывающимся голосом.

Руки его тряслись. Он кое-как оделся, завернул собачий труп поверх шелковой накидки в кусок полиэтилена, чтобы кровь не просочилась, и понес в гараж.

На первом этаже консьерж удивленным взглядом проводил его – неаккуратно одетого, небритого, с красным перекошенным лицом и большим бесформенным свертком в руках...

Пристроив сверток в багажнике и сев за руль, он долго не поворачивал ключ в зажигании, чтобы успокоиться – в таком взвинченном состоянии выезжать на улицу было опасно. Как

учил его увлекающийся йогой Сабиров, Петр Степанович несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, задерживая дыхание и пытаясь думать о приятном. Но из этого ничего не вышло: перед глазами стояло окровавленное собачье тельце на ковре возле кровати...

Петр Степанович изо всех сил ударил руками по рулю, так что занyli костяшки пальцев. Он не был так привязан к собаке, как жена, но увидеть в собственной спальне такое... никакие нервы этого не выдержат. А самое главное – кто-то недвусмысленно показал ему, насколько он беззащитен. Ночью вошли к нему в квартиру – несмотря на охраняемый дом и стальную дверь, вошли и прямо в его спальне убили Арчибальда... тихо, бесшумно, чтобы не разбудить их с женой, и смотрели на них без всякой жалости! А следующий раз кто-то вот так же войдет и сделает то же самое с Ольгой... или с ним самим.

Понятно было, что собака – это угроза, предупреждение, и за этим предупреждением последует очередной шаг.

Петр Степанович посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Лицо ужасное... Конечно, инспектора дорожно-патрульной службы никогда не останавливают его машину – черный внушительный «мерседес» с номерами мэрии, – но всякое возможно...

И в это мгновение зазвонил мобильный телефон.

– Алло! – еле проговорил Шумелов охрипшим, постаревшим голосом. – Кто говорит?

После небольшой продуманной паузы в трубке послышался короткий злой смешок.

– Как тебе понравился подарок?

Шумелов узнал голос, и на него накатила волна ненависти.

– Так, выходит, это ты, молокосос?! – прорычал он, едва сдержав желание вдребезги разбить телефон. – Это ты, сволочь, убил мою собаку?

– А ты думал на кого-то другого? – усмехнулся Рудейко. – Много же у тебя добрых друзей! Собака, конечно, ни в чем не виновата, но это тебе – предупреждение: если вздумаешь со мной шутки шутить, нигде от меня не спрячешься, всюду достану. Деньги взял – отработай! А за то, что играть со мной вздумал, – заплатишь штраф: половину моих денег вернешь, сто пятьдесят штук. Завтра в двенадцать на том же месте, так же пойдешь с тем же самым портфелем со стороны Итальянской, в центре зала встретимся и поменяемся портфелями...

– Да ты что – сбрендил? – закричал Шумелов, на секунду задохнувшись от наглости молокососа. – Ты совсем охренел? Говорят тебе – в портфеле не было никаких денег! Это что же – я тебе за красивые глаза участок отдам и еще заплачу за это?

– Это как тебе угодно. Если тебе понравилось так просыпаться, как сегодня, – приятного аппетита. Только в следующий раз это будет уже не собака, а насчет того, почему в портфеле не было денег – это ты лучше меня знаешь. Я в портфель деньги положил...

В глазах у Петра Степановича потемнело. Последних слов Рудейко он не расслышал, окончательно раздавленный его угрозой. Можно натравить на Рудейко силовые структуры – МВД, ФСБ, в конце концов, но щенок потому и держится так нагло, что знает – Шумелов не сделает этого, побоится. Люди Рудейко наверняка не оставили никаких улик, а любая серьезная проверка привлечет внимание к махинациям самого Шумелова с распределением пятен застройки.

– Я принесу деньги, – еле слышно проговорил Шумелов.

По голосу можно было подумать, что Петр Степанович постарел на двадцать лет.

– Вот и хорошо! – насмешливо отозвался Рудейко. – Из своих ошибок надо делать выводы!

Он отключил телефон, а Шумелов еще долго сидел, тупо уставившись на свое отражение в зеркале заднего вида.

Леня Маркиз дослушал разговор до конца и отодвинулся от динамика. Этим утром он совершенно случайно включил систему прослушивания, связанную с «жучком» в машине Шумелова, и услышал чрезвычайно важный разговор.

– Это я хорошо зашел! – процитировал он вполголоса фразу из популярного фильма и задумался: в его мозгу складывалось интересное развитие богатой дебютной идеи.

* * *

Вечером того же дня телохранитель тащил на себе изрядно перебравшего Рудейко от гаража до его роскошной квартиры, занимавшей целый этаж прекрасно отреставрированного дома возле Армянской церкви на Невском проспекте.

– Не иначе эта парочка портфель подменила, – произнес Рудейко неожиданно трезвым голосом.

– Что вы говорите, Андрей Михайлович? – переспросил телохранитель и остановился, чтобы немного передохнуть: необъятная туша Андрея Рудейко даже для этого очень сильного и тренированного парня была утомительной ношей.

– Парочка на меня налетела в дверях, – полусонно проговорил Андрей, – парень и девка... Вроде так, шпана мелкая, ничего особенного, а что-то подозрительно ловкие... выбили у меня портфель, потом вернули... могли и подменить...

Последние слова Рудейко проговорил еле слышно и тут же забылся глубоким здоровым сном прямо на плече у телохранителя.

Охранник тяжело вздохнул, обхватил босса поперек туловища и потащил к лифту.

Позднее, передав дежурство своему сменщику, он помчался к Марине, сногсшибательной девице, с которой познакомился месяц назад.

Хотя была уже глубокая ночь, и он изрядно устал, потрясающее тело Марины, ее детски-невинные и одновременно глубоко порочные глаза притягивали его, как магнит, сводили с ума, распяляли и будоражили воображение, и он теперь ни одного дня не мог прожить без ее изощренных ласк.

У него был собственный ключ от Мариной квартиры. Открыв дверь, он прошел в спальню. Марина спала, как ребенок, свернувшись калачиком и подложив под щеку кулак. Он приподнял одеяло и жадным взглядом окинул ее нежное, покрытое легкой испариной сна тело, вдохнул его аромат – смесь собственного неповторимого запаха Марины, свежего, сладковато-яблочного, и легкого жасминового аромата ее духов.

Марина мягко повернулась, сонно улыбнулась ему, не открывая глаз, и пробормотала:

– Это ты, Витенька? Ну иди же ко мне!

Виктор склонился над ней. Его обдало горячей волной, кровь застучала в висках.

Торопливо раздевшись, он скользнул в постель, прильнул к ней, впился жадными губами в ее нежную шею, в губы, в грудь, покрыл все ее тело горячими торопливыми поцелуями. Лицо Марины порозовело. Она приоткрыла глаза, прижала голову Виктора к своему животу и жарко прошептала:

– Не торопись, не спеши! Ты знаешь, как я люблю, – медленно-медленно, и чтобы ты все время говорил, говорил, говорил...

Виктор медленно, осторожно вошел в нее, почувствовав, как жадно и вместе с тем неторопливо она раскрылась ему навстречу. Томительная, едва переносимая нега окутала его розоватым облаком.

– Говори, говори! – шептала Марина, закусив его ухо мелкими острыми зубами. – Говори, умоляю, ну что же ты!

В ее голосе было едва ли не отчаяние и вместе с тем такая страсть, что Виктор совершенно потерял голову.

Он говорил, как в бреду, искусанными пересохшими губами уткнувшись в нежную ложбинку над ее ключицей, говорил о том единственном, что знал, – о своей работе, о своем шефе, Андрее Рудейко, говорил о том, как высадил того возле «Пассажа» с толстым кожаным портфелем и встретил у другого его выхода, причем портфель был уже явно пустым.

Марина прильнула к нему всем телом, она ритмично сжимала бедра и щекотала ухо Виктора нежным горячим языком. Дыхание ее учащалось, и бедра наливались волнующим жаром и тяжестью, но она повторяла безумным горячечным шепотом:

– Говори, говори, не останавливайся!

Виктор, почти теряя рассудок, говорил о том, как сразу после событий в «Пассаже»

Рудейко с явной яростью разговаривал по телефону, и этот разговор пересказал ей дословно.

Она дышала все чаще и чаще, и в глубине ее тела начинались первые безумные судороги, но сквозь тихий и, кажется, жалобный стон Марина шептала:

– Говори, говори...

И он говорил о том, как тащил вечером пьяного шефа, а тот болтал что-то непонятное про странную парочку, столкнувшуюся с ним в дверях «Пассажа»...

Он не знал, о чем еще рассказывать своей ненасытной любовнице, да и не мог больше говорить. Глаза его застлало красным туманом, пламя рвалось из него, и с яростными безумными криками они слились в последней непереносимой вспышке.

Опустошенный, обессиленный, выжатый как лимон, Виктор забылся сном, который больше похож был на обморок.

Марина осторожно выскользнула из-под него, убедилась, что он крепко спит, и, накинув на голое тело шелковый короткий халат, прошлепала босыми ногами в соседнюю комнату. Ей безумно хотелось пойти в душ, смыть с себя запах этого тупого животного, бесконечно раздражавшего ее своей примитивностью, своей однообразной невзыскательной страстью, но дело – прежде всего.

Она набрала номер, и, несмотря на поздний час, ей тут же ответили. Подробно, стараясь ничего не упустить, она пересказала все, что услышала сегодня от Виктора.

За такие доклады конкурент Андрея Рудейко платил ей очень неплохие деньги.

В конце своего сообщения, Марина упомянула сегодняшнюю пьяную болтовню Рудейко о столкнувшейся с ним в «Пассаже» подозрительной парочке. Собеседник неожиданно заинтересовался и потребовал дословно повторить все, что сказал Рудейке. Выслушав повторно все, что запомнила Марина, мужчина задумчиво проговорил:

– Парочка... молодые мужчина и женщина... очень ловкие... не мои ли это старые знакомые?

– Что, Артем Николаевич? – переспросила девушка.

– Нет, ничего, это я про себя, – ответил ей конкурент Андрея Рудейко Артем Зарудный и отключил телефон.

* * *

Без пяти двенадцать Шумелов остановил свой «мерседес» возле заднего входа «Пассажа». Внимательно оглядевшись по сторонам, он выбрался из машины, сжимая в руке ручку коричневого портфеля. После того, как убили Арчибальда, руки его постоянно дрожали, а сам Петр Степанович приобрел слегка затравленный вид.

Еще раз внимательно оглядевшись, он подошел к дверям универмага. В то же самое время к тем же дверям, оживленно переговариваясь, подошли двое маляров в запачканной краской одежде – мужчина и женщина. Мужчина нес в руке складную стремянку и ведро с краской, женщина – несколько кистей и еще одно ведро. Шумелов чуть задержался перед

дверью, чтобы пропустить замурзанную парочку и не запачкаться краской, но маляры тоже замешкались, мужчина неловко повернулся, уронил стремянку и налетел-таки боком на Петра Степановича.

– Ты че, Вася! – вскрикнула женщина. – Ты следи, куда идешь-то. Вон мужчину запачкал...

Она схватила Шумелова за рукав пальто и принялась тереть его своими грязными руками.

– Не надо! – с откровенным отвращением воскликнул Петр Степанович, резко вырывая рукав у замарашки, и отшатнулся, чтобы не запачкаться еще больше.

При этом он налетел на мужчину-маляра, и тот едва не опрокинул на Петра Степановича ведро с белой краской. Едва удержавшись на ногах, маляр неловко схватился за руку Шумелова, но тут же отпустил его, извинился перед ним в самых изысканных выражениях, громко и с чувством икнул и отошел в сторону.

Петр Степанович с отвращением оглянулся на пьяного подонка и торопливо зашагал к центру зала, все еще чувствуя на своей руке его грязное прикосновение.

В самом центре, возле цветочного киоска, он на мгновение поравнялся с толстым коротко подстриженным мужчиной лет тридцати в коротком черном полупальто. Обменявшись полными ненависти взглядами, мужчины чуть замедлили шаг, быстро и незаметно поменялись портфелями и разошлись.

В то же время парочка «маляров» поспешно шла по Итальянской улице в сторону Садовой.

– Ты что, Леня, переиграл операцию? – вполголоса спросила женщина.

– Интуиция, – почти шепотом ответил мужчина, – я когда за портфель взялся, мне что-то не понравилось. То ли он показался мне тяжелее, чем должен быть, то ли в нем что-то твердое прощупалось... Не знаю, что, но мне это не понравилось, и я решил, от греха подальше, не рисковать... Ну-ка, подожди секундочку...

«Маляры» остановились на углу Итальянской и Садовой, и Маркиз полуобернулся к задним дверям «Пассажа». Оттуда вышел толстяк в черном полупальто. Перед ним распахнулась дверца роскошного черного джипа, он с кряхтением вскарабкался на сиденье и захлопнул дверцу за собой. Джип рванул с места и выехал на Садовую.

– Ну и что ты хотел увидеть? – ехидно осведомилась Лола. – Как уезжают наши денежки?

– Может быть, я и ошибся, – с сомнением в голосе проговорил Маркиз, – но в нашем деле лучше перестраховаться.

В этот миг впереди раздался оглушительный грохот. Черный джип «мерседес» взлетел на воздух и рухнул обратно на тротуар грудой пылающих обломков.

Лола уставилась на Маркиза потрясенным взглядом.

* * *

Узнав о взрыве, в котором погиб Андрей Рудейко, Артем Зарудный поручил своему помощнику по безопасности Гоги Жордания выяснить, кто мог убрать его конкурента и по какой причине.

"Если задаться вопросом – кому выгодно, – сказал при этом Зарудный, – то убить его должен был я. И именно на меня сейчас все начнут указывать пальцами. Но я-то этого не делал, мы с тобой лучше всех это знаем. Поэтому хотя я и не оплакивал толстого Андрюшу, но должен хотя бы узнать, что за всем этим стоит".

Жордания довольно быстро выяснил, что покойный Рудейко хотел прибрать к рукам перспективное пятно застройки на Васильевском острове и связался для этого с Шумеловым, высокопоставленным чиновником из Смольного; также он выяснил, что немного раньше

Шумелов вел переговоры с группой не очень крупных бизнесменов, претендовавших на тот же самый участок.

Проанализировав всю полученную информацию и сопоставив ее с тем, что рассказывал ему телохранитель Андрея Рудейко незадолго до своей гибели вместе с боссом во взорванной машине, Зарудный сделал для себя однозначные выводы и потребовал список людей, которые прежде Рудейко договаривались с Шумеловым о приобретении участка на Васильевском. Просмотрев этот список, Зарудный криво усмехнулся и приказал Жордании привезти к себе в загородный дом одного старого знакомого.

* * *

Аскольд убрал свою любимый кий красного дерева в чехол и, чуть прихрамывая, вышел на улицу. Погода стояла хорошая, и он решил немного пройтись.

Он любил Петроградскую сторону, ему казалось, что ее воздух бодрит и молодит его.

Аскольд неторопливо шел по Пушкинской улице, как вдруг рядом с ним затормозил джип «гранд чероки» с затемненными стеклами. Дверцы джипа распахнулись, и двое выскочивших из него бритоголовых молодчиков схватили старика с двух сторон за локти.

– Кий не ломайте, макаки! – довольно спокойно проговорил Аскольд, всякого повидавший на своем веку и не боявшийся уже почти ничего.

Ответом ему был сильный удар по почкам. Старик сжал зубы от боли, но не издал ни звука, чтобы не унижаться перед этой мелюзгой, как он мысленно назвал бритоголовых.

Его втокнули в черный джип, бросили на заднее сиденье, и примерно через полчаса он уже предстал перед светлыми очами Артема Николаевича Зарудного.

– Жив, жив, курилка! – криво оскалившись острыми длинными зубами наподобие голодной акулы, усмехнулся Зарудный. – А я-то грешным делом думал, что ты уж совсем отошел от дел, отдыхаешь... на Богословском кладбище или на Серафимовском! – Зарудный засмеялся собственной шутке, которая показалась ему удачной.

– Да нет, Артюша, – невозмутимо ответил старик, – пока еще живу... глядишь, и тебя переживу... в бильярд вот поигрываю... не хочешь партию? Боюсь, правда, твои макаки кий мой поломали.

– Они тебе сейчас не только кий ломают! – рявкнул Зарудный, склонившись над стариком и сверля его холодным взглядом. – В бильярд он играет! Ты, кий старый, не только в бильярд, ты еще в какие-то игры играешь, которые тебе явно не по возрасту! Что там за возня вокруг участка на Васильевском?

– А я-то при чем? – Аскольд пожал плечами. – Я ко всему этому никакого отношения не имею.

– Та-ак! – протянул Зарудный и достал из пачки «Голуаз» одну сигарету. – Не имеешь, значит, отношения... Закурить, кстати, я тебе не предлагаю – обойдешься...

– А я и не курю, – усмехнулся Аскольд, – курение жизнь сокращает, а я ведь еще тебя пережить собираюсь.

– Это тебе уже без разницы, – Зарудный снова засмеялся, продемонстрировав акулий оскал, – твою жизнь что сокращай, что не сокращай, все одно немного осталось... То, что ты имеешь отношение к участку на Васильевском, – ясно как Божий день: там в списке участников сделки брат твой младший фигурирует. Да только мне это, в общем, даже и не интересно. Мне другое интересно: кого ты, кий старый, подрядил разладить сделку между толстым Андрюшей и пижоном из Смольного? Кто такой шустрый в «Пассаже» подсутился? Больно уж почерк знакомый, не старый ли мой знакомый воротился в родные края? А у меня к нему серьезный разговор имеется: за пареньком небольшой должок остался, а долг, он, сам знаешь, платежом красен!

Аскольд снова пожал плечами:

– Говорю же – ничего не знаю об этом деле. То, что Паша, братец мой младший, хочет на Васильевском торговый центр строить со своими компаньонами – это факт, это я знаю, а больше об этом деле ничего даже не слышал.

– Та-ак, – повторил Зарудный и глубоко вздохнул, – мне с детства внушали мысль, что старость нужно уважать... а почему, собственно? Если старик – настоящий козел и не понимает вежливого обращения – откуда же к нему уважение?

– Это ты называешь вежливым обращением? – выразительно огляделся Аскольд. – Когда твои макаки хватают пожилого человека на улице и чуть ли не в мешке волокут к тебе на расправу?

– А ты ничего другого и не заслужил. – Зарудный выпустил дым в потолок и снова усмехнулся. – Ты думаешь, что будешь сейчас меня своим героизмом поражать, разыгрывать здесь партизана на допросе? Тоже мне, Зоя Космодемьянская! Наука, знаешь ли, далеко вперед шагнула со времен твоей молодости. Я тебе один укол сделаю – и ты мне все моментально выложишь, и то, что знаешь, и даже то, чего не знаешь!

Он сделал знак своему подручному, и тот принес из соседней комнаты никелированную кювету, в которой лежали шприц и ампула с прозрачной жидкостью.

– Цени, – усмехнулся Зарудный, – шприц одноразовый, чтобы ты не думал, что я тебя СПИДом заразил!

Аскольд затравленно озирался, как попавший в ловушку зверь, но бритоголовые охранники Зарудного внимательно следили за каждым его движением. Отшатнувшись, от приближающегося к нему со шприцем в руке Зарудного, старик потянулся к своей ноге и поднял брючину, но один из охранников молниеносно бросился к нему и заломил руку за спину. Тотчас же второй парень ощупал ногу Аскольда и вытащил приклеенный пластырем к ноге миниатюрный стилет.

Зарудный злобно посмотрел на охрану:

– Это так вы его обыскивали? Думаете, если старик – так безобидный божий одуванчик? Этот старик любому из вас еще сто очков вперед даст! Ну-ка, придержите его!

Аскольд еще попробовал вырваться из железных рук охранника, но быстро затих, поняв бесполезность этого занятия. Зарудный задрал его рукав и вонзил иглу под кожу.

Бесцветная жидкость медленно вытекла из шприца. Лицо Аскольда заметно побледнело, на лоб выступили капельки пота, зрачки расширились. Он почувствовал вдруг непреодолимую потребность говорить. Пытаясь хоть до какой-то степени сохранить власть над своей речью, старик сыпал бильярдными терминами. Ему вдруг начало казаться, что он играет с Зарудным в бильярд, и партия складывается очень неудачно.

– Шестой в угол! – сбивчиво бормотал Аскольд пересохшими губами. – Двенадцатый в центр... твой удар... ах, как неудачно! Зря Паша в это дело влез, все равно им участок не достанется... я для Павлика все сделаю... я ведь для него вместо отца, он же младший у меня... все сделаю... Единственный мой брат...

– Правильно, ты все и сделал, – Зарудный склонился над ним, внимательно вслушиваясь в бессвязную речь старика, – а кого ты нанял, чтобы Павлику помочь? Старого знакомого?

Аскольд испуганно покосился на Зарудного и прижал палец к губам:

– Тс-с-с! Об этом нельзя! Я Маркиза подвести ни в коем случае не должен, парень не хотел за дело браться, я уговорил, так что нельзя его подставлять.

– Это он толстому Андрюше бомбу подложил? – спросил Зарудный, своими вопросами направляя в нужную сторону неудержимый словесный поток, вырывавшийся из уст Аскольда.

– Нет, Маркиз не убийца, – Аскольд выразительным жестом изобразил невозможность такого предположения, – Маркиз только деньги должен был у Рудейко взять, портфель подменить... А бомбу я даже не знаю, кто мог подложить...

– А деньги, деньги Маркиз себе должен был взять или с тобой поделиться?

– Я за это дело не в доле, я только для Павлика старался. – Лицо Аскольда стало еще бледнее, дыхание сделалось неровным и частым. – Деньги... Маркиз вернуть должен был Павлику и подельщикам его, сколько они отдали... а разницу себе оставить...

– Как он должен деньги передать? – спросил Зарудный еще ниже склонившись к старику, потому что его речь становилась тихой и неразборчивой.

– Через... через меня... про него никто кроме меня не знал... ни один человек... – Аскольд испуганно огляделся. – Поэтому... никак нельзя про него... Никак нельзя...

– У вас с ним встреча назначена, или ты ему звонить должен? – продолжал допытываться Зарудный, внимательно вслушиваясь в сбивчивый, задыхающийся шепот старика.

– Он... он сам... прийти должен ко мне на Большую Монетную... там у меня место очень надежное... никто не знает... а Маркиз был один раз, он помнит...

– Где на Большой Монетной, какой дом? – настойчиво допытывался Зарудный, торопясь узнать как можно больше, пока не прекратилось действие «эликсира правды».

– Дом... выселенный... на чердаке у меня... комната удобная, Маркиз знает... завтра вечером, в полдевятого...

– Какой дом, номер дома какой? – Зарудный тряс Аскольда, пытаясь заставить его сказать еще хоть что-то, но старик снова забормотал что-то бессмысленное:

– От левого борта в задний угол... шестой в центр... Ах, зараза, опять промазал, старею! Третий в угол... «Глаз Ночи» и один-то целое состояние стоит, таких изумрудов на всем свете раз-два и обчелся, а если их в паре выставить... Четвертый от правого борта в центр...

Зарудный схватил его за воротник, встряхнул:

– Номер дома какой, я спрашиваю?

Но старик замолчал, он только беззвучно разевал рот, как выброшенная на берег рыба. Вдруг он страшно захрипел, несколько раз судорожно дернулся и затих.

– Вот черт! – Зарудный в сердцах ударил кулаком по ручке кресла. – Никак сдох, старый жулик! И здесь вывернулся!

Он приподнял веко Аскольда, потом взял тонкое запястье и с трудом нащупал еле прогибающийся пульс.

– Нет, жив еще! Но даже если очухается – второго укола не перенесет, тут же загнется... Больше из него ничего не выжать! Хотя отчего же, – Зарудный снова улыбнулся улыбкой голодной акулы, – мы его еще можем использовать в другом качестве. Кажется, мой старый друг Маркиз очень любит разные розыгрыши...

* * *

Маркиз оставил машину на Большой Монетной и вошел во двор, в глубине которого одиноко возвышалось мрачное шестиэтажное здание бывшей картонажной фабрики.

Теперь этот дом принадлежал небольшой оборотистой фирме, которая, не имея достаточных средств для основательного ремонта и перестройки здания, просто тянула время, дожидаясь, когда его удастся перепродать за большие деньги.

Дом тем временем пустовал, если не считать многочисленных бомжей, которые облюбовали его неуютные цеха и коридоры.

Примерно год назад предусмотрительный Аскольд наткнулся на этот кирпичный ковчег и устроил себе в его верхнем этаже хорошо оборудованное тайное убежище на случай каких-нибудь серьезных неприятностей или просто секретных встреч.

В это-то его убежище и направлялся Маркиз.

Осторожно отодвинув в сторону неаккуратно прибитую доску, он протиснулся в дверь и оказался внутри огромного пустого помещения, засыпанного битым щебнем, известкой и прочим строительным мусором.

В углу шуршали крысы. Никого из бомжей, деливших с крысами эти хоромы, видно не было – наверное, местные жители еще не вернулись со своего обычного промысла или уже напились на собранные за день гроши и спят где-нибудь по темным углам.

Маркиз подошел к пустому дверному проему и начал подниматься по узкой железной лестнице, которая вела на верхние этажи здания, в тайное убежище Аскольда.

Царящая в доме мертвая тишина неприятно действовала на Ленины нервы, и он старался идти как можно тише, чтобы не греметь металлическими ступенями лестницы.

Поднявшись до пятого этажа, он оказался перед первой линией обороны, организованной Аскольдом, – металлической дверью с кодовым замком. Леня набрал код, который он знал от Аскольда, и, закрыв за собой дверь, пошел дальше по лестнице. Он знал, что здесь у Аскольда установлена скрытая телекамера, и хозяин видит каждого посетителя, преодолевшего первую дверь. Дальше была вторая дверь, гораздо более надежная, которая открывалась дистанционно – из комнаты Аскольда, и только для желанных гостей.

Маркиз поднялся еще на один марш и толкнул эту дверь. Она была открыта – значит, Аскольд дома и ждет его.

Леня вошел в короткий коридор шестого этажа. Стальная дверь со страшным лязгом закрылась у него за спиной. Леня вздрогнул от неожиданности и оглянулся – впечатление было такое, будто за ним захлопнулась дверца ловушки. Вероятно, дверь закрыло порывом сквозняка, но у Лени все равно остался в душе неприятный осадок.

Пройдя последний короткий коридор, Маркиз толкнул дверь, которая вела в убежище Аскольда. Эта дверь так же послушно распахнулась, и Леня оказался в просторной и довольно уютной комнате, совершенно неожиданной среди мрачных кирпичных стен обреченного на снос производственного здания. Комната эта была без окон, чтобы ее нельзя было заметить снаружи, поэтому всегда, когда Аскольд находился в своем тайнике, он включал мягкий свет потолочных ламп. И сейчас эти лампы освещали небольшой угловой диван, покрытый клетчатым пледом, шкаф с кое-какой одеждой и посудой, холодильник и стол.

Возле стола в глубоком кресле, спиной к двери, сидел Аскольд.

Маркиз окликнул его, но старик не повернулся и никак не отреагировал на голос своего ученика.

Охваченный недобрым предчувствием, Леня поспешно подошел к старику и взглянул на него.

Глаза Аскольда были закрыты, лицо заливала мертвенная бледность, он не подавал никаких признаков жизни.

Леня взял старика за тонкое запястье и нашел едва заметно бьющуюся ниточку пульса. Он огляделся по сторонам в поисках лекарств, но вместо них его взгляд упал на листок бумаги, белевший на столе.

Маркиз взял его в руки и прочитал отпечатанную на лазерном принтере записку:

«Привет, Маркиз! Помнишь историю с золотой статуэткой? Ты тогда, наверное, очень долго смеялся надо мной. Сегодня моя очередь посмеяться».

Подписи под этой запиской не было, но Лене и так было ясно, что автор записки – Артем Зарудный.

Маркиз покосился на Аскольда – если только этот полутруп еще можно было назвать человеческим именем. Он когда-то очень уважал старика, да чего греха таить – и до сих пор не перестал уважать, но тот все-таки втянул его, Леню, в серьезные неприятности, а теперь, судя по всему, и просто заманил в ловушку...

Маркиз бросился к двери, которая вела с лестницы в убежище Аскольда. Дверь была закрыта. Открыв изнутри запиравший ее сложный замок, Ленья толкнул стальную дверь, но она не поддавалась. Он навалился на нее всем весом, но проклятая дверь даже не шелухнулась. Недаром, когда эта дверь захлопнулась у него за спиной, Лене показалось, что он в западне... Наверняка кто-то дожидался его прихода и запер дверь снаружи, а возможно, и наглухо забаррикадировал ее.

Ленья затравленно огляделся по сторонам. Никаких других дверей в тайном жилище Аскольда не было, окон – тоже.

И тут Маркиз почувствовал явственный запах дыма, пробивающийся из-за стальной двери. Ленья похолодел: он понял, что Зарудный решил сжечь их с Аскольдом в этой наглухо закрытой западне. На всякий случай Ленья еще раз толкнул стальную дверь, но это было то же самое, что пытаться сдвинуть с места Исаакиевский собор. Безнадежно развернувшись, он побрел обратно в комнату.

Аскольд все так же полулежал в кресле, не подавая никаких признаков жизни. Ленья взглянул на старика с неожиданной ненавистью: ведь не хотел же он браться за это опасное дело, как будто предвидел, что Зарудный выйдет на его след...

Как будто почувствовав его взгляд, Аскольд чуть заметно пошевелился и тихо застонал.

Ленья подскочил к старику и стал массировать его худые слабые руки, растирать впалую грудь...

Ему стало стыдно того, как плохо только что думал он об Аскольде, которому когда-то был очень многим обязан, от которого научился азам своей профессии. Вблизи он разглядел, как на самом деле стар Аскольд, всегда такой подтянутый, ловкий и моложавый. Кожа на его руках была покрыта старческими пигментными пятнами, шея под расстегнутым воротником рубашки худа и морщиниста, как у старой черепахи...

Ленья изо всех сил массировал руки и плечи старика, и наконец Аскольд снова застонал и открыл глаза.

– Ленья... – проговорил он едва слышно, и в его глухом бесплотном голосе прозвучало чувство вины. – Я... я виноват... я подставил тебя... Он наколот меня какой-то дрянью... «эликсиром правды»... Я ничего не мог сделать с собой, не мог остановиться, говорил и говорил, отвечал на все его вопросы... называл тебя, называл это место...

– Ничего не поделаешь, – прервал его Маркиз, – не вините себя. Нам надо думать, как выбраться отсюда. Зарудный хочет поджарить нас в этой западне, как цыплят...

– Прости меня, Ленья, – продолжал старик едва слышным голосом, не обращая внимания на слова Маркиза, – я все ему рассказал... я рассказал ему и про «Глаз Ночи»...

– Про что? – удивленно переспросил Ленья, подумав, что Аскольд заговаривается. – Про какой глаз?

– «Глаз Ночи». Их было два, два удивительных изумруда. Они были когда-то похищены из святилища инков. Это похоже на сказку, но эти камни действительно значились в ювелирных каталогах. Один из них попал в Россию и бесследно исчез во время гражданской войны, – от волнения голос Аскольда окреп и стал громче и отчетливее, – а сейчас, кажется, он снова объявился... Татьяна видела его в доме банкира Ангелова...

– Какая Татьяна? – удивленно спросил Маркиз.

Он почти не сомневался, что Аскольд заговаривается.

– Таня Коноплева... Я ей не поверил бы, но она, хоть и молодая женщина, много знает о камнях, а «Глаза Ночи» были темой ее диссертации... Она знает про эти камни очень много и не могла ошибиться... Эти изумруды бесценны! Ленья, это была бы моя последняя операция! Как приятно так красиво уйти со сцены...

– Нам сейчас не до изумрудов! – недовольно перебил старика Маркиз: комната уже начала наполняться дымом. – Нам нужно думать, как спастись из этой гребаной западни, пока

мы еще не задохнулись... Дверь снаружи заклинили, окон здесь нет... Вы сами подготовили для себя такую мышеловку! – Леня не удержался от выпада, и ему тут же стало стыдно за свою жестокость к умирающему старику.

– Мышеловку? – эхом повторил Аскольд. – Леня, ты меня обижаешь. Неужели ты думал, что я устрою свой тайник без запасного выхода?

– Запасной выход? – Леня оторопело уставился на старика.

Действительно, как он, много лет зная Аскольда, не подумал, что тот никогда не устроит себе жилище без второго выхода!

– Где? – Леня наклонился к Аскольду, испугавшись, что тот снова потеряет сознание, так и не открыв ему спасительной тайны. Аскольд действительно опять покрылся землистой бледностью человека, отмеченного печатью близкой смерти.

– Кресло, – проговорил Аскольд слабым голосом, – отодвинь мое кресло...

Леня поспешно отодвинул в сторону тяжелое кресло, в котором полулежал умирающий старик.

– Подцепи... подцепи среднюю половицу.

Маркиз взглянул на пол, одна из половых досок чуть отстояла от соседних, и в образовавшуюся щель могло проникнуть лезвие ножа. Нож у Лени всегда был при себе: отличный швейцарский складной нож фирмы «Венгер». Он выдвинул самое широкое лезвие и подцепил половицу. Она откинулась удивительно легко, как крышка сундука, и под ней оказался небольшой тайник, в котором лежал прозрачный полиэтиленовый пакет, плотно набитый долларами.

– Деньги возьми, – еле слышным от слабости, но решительным и твердым голосом проговорил Аскольд, – они тебе понадобятся. А под пакетом – черная кнопка...

Маркиз достал из тайника пакет с деньгами и действительно увидел под ним кнопку.

– Нажми, – коротко скомандовал Аскольд.

Леня нажал кнопку, и с тихим жужжанием в стене комнаты заработал электромотор. Тут же часть стены медленно отъехала в сторону, и за ней открылась кабина лифта. Леня удивленно повернулся к старику. Отвечая на его невысказанный вопрос, Аскольд почти неслышно прошептал слабым голосом:

– Лифт здесь был, еще от фабрики остался... я его только замаскировал... Дверь, входная дверь изнутри закрыта?

Маркиз вспомнил, что открыл внутренние замки, когда пытался открыть входную дверь, и бросился в коридор: он понял, что старик беспокоится – когда люди Зарудного поймут, что птички упорхнули, они бросятся по их следам, а запертая дверь хотя бы немного их задержит и даст беглецам несколько минут форы.

Коридор был полон дыма, и Маркиз понял – еще полчаса, и они наверняка задохнулись бы. Закрыв лицо платком, кашляя и задыхаясь, он добежал до двери и торопливо запер ее на все замки и засовы. Дым щипал глаза, в горле болезненно саднило, голова начала кружиться. Леня торопливо вернулся в комнату. Здесь пока еще дышалось легче.

Он подошел к Аскольду, чтобы попытаться поднять его из кресла.

Старик лежал, запрокинув голову. Глаза его были открыты и совершенно безжизненно смотрели на противоположную стену, как будто Аскольд увидел там что-то, удивившее его. Рот был полуоткрыт, и на подбородок сбегала дорожка подсыхающей слюны. Одна рука прикасалась к груди, как будто пытаясь умиротворить боль, а вторая безвольно упала на подлокотник кресла, и в ней был зажат крохотный непрозрачный пузырек.

Маркиз взял этот пузырек из мертвой руки и осторожно понюхал. Почувствовав запах горького миндаля, он понял, что произошло: Аскольд не захотел быть для Маркиза обузой...

В комнате становилось все больше и больше дыма, и дольше тянуть было опасно, да теперь и ни к чему. Леня с удивлением почувствовал, что глаза его полны слез, а в горле стоит комок... Он осторожно закрыл рукой глаза Аскольда, взял пакет с деньгами и шагнул в шахту

лифта. На стене кабины была всего одна кнопка. Леня нажал ее, с негромким жужжанием электромотора стена комнаты встала на прежнее место, бесследно закрыв от посторонних глаз путь отступления. Затем заработал другой мотор, и кабина лифта медленно поехала вниз. Доехав до первого этажа, лифт остановился, и задняя стенка кабины отъехала в сторону.

Леня нырнул в открывшийся проем и оказался в маленьком темном помещении. Стена за ним вернулась на прежнее место, и, оглянувшись, Маркиз уже не увидел на ней и следа лифта или двери: ровная кирпичная стена не имела никаких щелей или зазоров.

Шагнув вперед, Маркиз без усилий открыл металлическую дверцу и вышел наконец на свежий воздух. Оглядевшись, он увидел, что только что покинул обычную с виду электрощитовую будку, прилепившуюся к мрачной темно-красной стене фабричного корпуса. Людей вокруг не было заметно, и Маркиз быстро зашагал прочь со двора.

Еще раз оглянувшись, он увидел, что из нескольких окон здания выбиваются дымные языки пламени.

Леня не решился возвращаться к своей машине: там его могли подстеречь люди Зарудного, в конце концов, машина могла быть заминирована. Он решил вообще не выходить на Большую Монетную, проходными дворами дошел до Каменноостровского проспекта и через несколько минут был возле метро, где затерялся в толпе.

В глазах его все еще стояли слезы, и он сам не знал – то ли их причиной был едкий дым, которого он наглотался в горящем фабричном корпусе, то ли это были слезы об умершем старом аферисте, в сердце которого таилось столько благородства...

Татьяна Коноплева считала себя умной и удачливой женщиной. То есть удача в жизни никогда не приходила к ней просто так, сама по себе, Татьяна всегда добивалась всего собственным трудом. Но между тем другие вкалывают всю жизнь как лошади и совершенно ничего не имеют, а она все же достигла многого.

Так она думала раньше, до тех пор, пока в начале осени не повстречала свою школьную подругу Леру Коновалову. То есть раньше она была Коновалова, как и у Татьяны раньше была другая фамилия. Вот интересно, с мужем они прожили всего три года, а когда развелись, Татьяна оставила его фамилию из-за Димки, чтобы ребенок не задавал ненужных вопросов.

Татьяна льстила себя надеждой, что фамилия ее стала известной, и сама над собой посмеивалась. Ну в самом деле, много ли людей в городе знают фамилию владелицы модного журнала для женщин? То есть сам-то журнал под названием «Астра» весьма популярен, но ее фамилия известна только узкому кругу издателей и журналистов. Но Татьяна очень гордилась своим журналом, потому что он полностью был создан только ею. В свое время она немислимыми трудами добилась в банке кредита, чтобы начать свое дело. Татьяна не любит вспоминать, как бегала по городу в поисках рекламодателей, как пыталась найти спонсоров, как просыпалась ночью в холодном поту, представляя, что журнал провалился, и придется отдать банку за долги их с Димкой однокомнатную квартиру.

Все наладилось. За пять лет она сумела значительно поднять тиражи, журнал занял прочное место среди такой же печатной продукции. В «Астре» с готовностью размещают рекламу модные дома и крупные магазины, а также парфюмерные фирмы и бутики.

У них с Димкой и мамой теперь отличная трехкомнатная квартира, Димка учится в престижной гимназии – причем учится хорошо, потому что Татьяна готовит сына к труду, она всегда повторяет, что будет содержать его только до тех пор, пока он не получит образование, и мама с ней в этом вопросе полностью согласна. Не так давно, всего год назад, Татьяна поменяла машину и обожает свой «фольксваген» едва ли не больше, чем сына. Она может позволить себе отдых за границей и каждый год вывозит Димку то в Испанию, то в Турцию, то в Египет.

Кроме того, в свои тридцать пять лет, Татьяна сумела сохранить стройную фигуру.

И вообще, все говорят, что она выглядит значительно моложе своих лет. Слышать такое всегда приятно.

Некоторые злые языки, правда, могут поставить Татьяне на вид, что у нее нет мужа.

Действительно, с первым мужем она разошлась, планировала было выйти замуж вторично, но что-то там разладилось, и Татьяна не очень расстроилась. Она решила пробиваться в жизни самостоятельно и считала, что преуспела в этом.

Так она считала до того дня, когда встретила Леру. Это случилось на углу Невского и Литейного возле известного магазина одежды фирмы «Hugo Boss». Татьяна заходила туда, чтобы продлить договор насчет рекламы – в некоторых случаях она предпочитала сама договариваться с рекламодателями. Она вообще держала мало постоянных сотрудников в своем офисе – приходилось экономить.

Татьяна выходила из магазина и столкнулась в дверях с шикарной молодой девицей, загорелой, в обтягивающих коричневых брючках и куртке из непонятного золотистого материала.

– Простите, – сказала Татьяна и попыталась девицу обойти, но та вдруг застыла на месте и заорала на весь магазин:

– Танька!

Татьяна взглядела в девицу и ахнула:

– Боже мой, Лера! Лера Коновалова! Да сколько же мы с тобой не виделись!

Она тут же прикинула в уме, что не виделись они лет десять. Тогда одноклассники как-то стихийно собрались, решив не ждать десятилетия со дня окончания школы, Лера тоже была на их встрече, а потом исчезла. Правда, Татьяна и сама не очень-то поддерживала отношения с бывшими одноклассниками – некогда было, все время отнимала работа.

Лерка выглядела отлично. Ни грамма лишнего жира, тело молодое и упругое, на лице ни одной морщинки. Она мельком оглядела Татьяну с ног до головы, и у той в душе шевельнулось недоброе чувство – на фоне Леры она смотрелась не очень... Но Лера, похоже, искренне ей обрадовалась, потому что обняла и даже ткнулась в щеку холодными губами.

– Послушай, это дело надо отметить, – возбужденно заговорила Лера, – не можем же мы просто так расстаться.

– Ну посидим где-нибудь, поговорим, – согласилась Татьяна.

Наступило время обеда, и ей очень хотелось есть. Она удачно заключила контракт на рекламу, и могла себе позволить потратить некоторое время на беседу со старой школьной подругой, совместив эту беседу с обедом в кафе. Она хотела уже предложить Лерке поехать в китайский ресторан, но въевшаяся в душу привычка журналиста не лезть на рожон, а стараться разговорить собеседника, одержала верх.

– Куда бы нам пойти... – размышляла Лера, схватив Татьяну за руку и устремляясь на улицу.

Татьяна хотела было сказать, что у нее машина, но прикусила язык, потому что Лера махнула рукой, и из серебристого «лексуса», нагло стоящего в неположенном месте у самого магазина, выскочил здоровенный широкоплечий парень и спросил, строго и недоброжелательно глядя на Татьяну:

– У вас проблемы, Валерия Федоровна? Что случилось?

– Нет у меня никаких проблем! – не слишком любезно крикнула Лера и повернулась к Татьяне:

– Сейчас поедem ко мне, там и поговорим. Володя нас быстренько отвезет.

Татьяна порадовалась, что не сказала ничего о машине: рядом с красавцем «лексусом» ее любимый «фольксваген-гольф» одна тысяча девятьсот девяносто восьмого года выпуска выглядел как старая деревенская кляча рядом с породистым арабским скакуном. У нее было мало времени, но тем не менее она согласилась поехать к Лере. Все говорило о том, что подруга

ее богата, а с богатыми людьми владелице дамского журнала очень нужно поддерживать знакомство.

Джип уже двигался по улицам, насколько позволяли пробки, и на вопрос Татьяны, куда же они едут, Лера ответила, что недалеко – у них с мужем загородный дом в Шувалове. Есть еще квартира в центре, но она, Лера предпочитает жить за городом – там воздух свежий и места больше.

– Кто твой муж?

Лера назвала фамилию, и Татьяна кивнула головой – она ее слышала. Что ж, Лерка отхватила хороший кусок счастья – муж ее действительно очень богатый человек, банкир.

Дом был хорош. Отличных пропорций, нет никаких уродливых башен с флюгерами на крыше. Татьяна с удовольствием отметила, что выстроен он из серого камня, потому что рыжий плетейский кирпич вызывал у нее ассоциации с тюрьмами и совковыми общежитиями гостиничного типа. Ворота «лексусу» отворил охранник, такой же плечистый, как и шофер. Просторный участок был, в основном, занят аккуратно подстриженным газоном и клумбами с отцветающими осенними цветами, среди которых кое-где росли елочки, голубые, как у Мавзолея Ленина.

И внутренняя отделка дома была выполнена с большим вкусом.

– У тебя хороший дизайнер, – сказала Татьяна, чтобы не молчать.

– Да? – обернулась Лера. – Это вообще-то мои идеи. Мужу все равно, он полагается на мой вкус.

Татьяна вынуждена была признать, что вкус у Леры хороший. Они осмотрели просторный холл и столовую, поднялись на второй этаж, где Лера показала светлую спальню, комнату, где стояли тренажеры, еще какие-то помещения...

Татьяна поймала себя на мысли, что не очень-то присматривается ко всему – глаза застлало туманной пеленой.

«Зависть? – изумленно констатировала она. – Я завидую Лерке? Не может быть!»

– Вот это мой будуар! – объявила Лера и рассмеялась. – Как у мадам де Помпадур! Принимаю здесь только близких друзей, а столовая – для больших приемов.

В комнате действительно было очень уютно. Окна выходили в сад, чувствовался запах прелой земли и последних осенних цветов.

Мебели в комнате было немного, на полу – пушистый кофейного цвета ковер с длинным ворсом.

Татьяна скинула туфли и присела на низенький диванчик. Ей очень не нравилось ее состояние. Либо нужно немедленно отсюда уезжать, либо успокоиться и извлечь из создавшейся ситуации максимум выгоды.

Уехать же без посторонней помощи невозможно, от поселка Шувалове до шоссе не так близко.

«Нужно было сразу отказаться, – сердито подумала она, – сказала бы, что тороплюсь, что, кстати, соответствует действительности».

Лера нажала на кнопку звонка, и минуты через три на зов явилась девица в темном платье непонятно какого оттенка – скорей всего можно было назвать его бурым. К платью был пришит белый воротничок, как в школе. На девице были еще надеты передник в серую и черную клетку, и туфли на низком каблуке.

– Звали, Валерия Федоровна? – тихим, каким-то простуженным голосом молвила девица.

– Да тебя не дозовешься! – прошипела хозяйка. – Полчаса уже звоню, а все как вымерли!

Это была заведомая ложь, потому что кроме охранника при воротах Татьяна видела в доме еще опрятную женщину средних лет, которая сметала пыль в холле и поклонилась Лере с гостьей.

– Принеси нам сюда поесть и выпить...

– Сока! – встрепенулась Татьяна, вспомнив о своей машине, брошенной на стоянке у магазина.

– Сока, – согласилась Лера. – Я мяса не ем, – повернулась она к Татьяне, – ты как?

– Я тоже не ем, – на всякий случай соврала Татьяна.

– Ну так Люся знает, я утром говорила, что приготовить. Да шевели ногами-то быстрее, а то как лунатик плывешь! – гаркнула она вслед унылой девице.

– Много у тебя прислуги? – спросила Татьяна, чтобы нарушить затянувшуюся паузу.

– Пятеро, – недовольно ответила Лера, – а толку что? Все равно порядка от них не дождешься, за всем самой следить надо.

Девица явилась довольно скоро, неся на расписном подносе напитки и бокалы, и сказала, что холодные закуски есть, а горячее у кухарки еще не готово.

– Задницу от стула оторвать вовремя не можете! – рявкнула Лера. – Дармоеды чертовы!

– Вы же раньше вернулись, – уныло пробубнила девица, – вот Люся и не успела...

– Ты еще пикни мне тут! – заорала Лера и замахнулась на горничную.

Хорошо, что та уже успела поставить поднос на низкий столик, иначе он непременно бы опрокинулся, потому что девица неожиданно резво скакнула за дверь.

«Написать, как богатые отвратительно обращаются с прислугой, – мысленно усмехнулась Татьяна, – боюсь, что моим читательницам это будет неинтересно».

– Мне, пожалуйста, грейпфрутового сока, – попросила она, заметив, что Лера наливает в бокалы вино.

– Не стесняйся, – ободрила ее подруга, – или ты как в школе, предпочитаешь примитивную «отвертку»? – Она плеснула в сок солидную порцию водки.

– Пожалуй, – протянула Татьяна, прикидывая про себя, пройдет ли она пешком три километра в туфельках на высоких каблуках до автобусной остановки, если Лерка распояшется, и ей, Татьяне, придется уйти, потому что терпеть с собой такое же обращение, как с прислугой, она не станет.

Лера внимательно взглянула ей в глаза и вдруг неожиданно широко улыбнулась:

– Прошу! – и протянула бокал.

Снова открылась дверь, и на пороге появилась горничная с подносом, полным закусок. Лера, извинившись, вышла из комнаты, и Татьяна перехватила злой взгляд, брошенный горничной ей вдогонку. После того, как девица тоже вышла, Татьяна метнулась к окну и вылила сок с водкой на клумбу с астрами, после чего снова налила в тот же бокал чистого сока. Это Лерку всюду возят, а она не хочет никаких неприятностей с бравыми ребятами из ГИБДД, у нее и без них забот хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.